Эта икона пользовалась широкой известностью и занимала важное место в монастыре. Монастырские описи начала XVII в. упоминают, среди прочих житийных икон Александра, «образ местной чудотворца Александра в деянии» над его гробом.[5] Это и есть икона 1592 г., что косвенно доказывается тесным сходством ее чеканного оклада с серебряной ракой Александра Свирского, присланной в монастырь из Москвы в 1643 г.[6] Видимо, одновременно с ракой был исполнен и драгоценный оклад этой особо почитаемой иконы.

Наибольший интерес в данной иконе представляют ее житийные клейма. Исполненные графично и несколько суховато, они по своим художественным особенностям не принадлежат к числу лучших произведений живописи той поры. Основная их ценность заключается в обилии живых жанровых сцен, в которых подчеркнуты и развиты содержащиеся в житии бытовые эпизоды. Это позволяет сделать вывод о самостоятельном, своеобразном истолковании текста художником и превращает иконные клейма в важный исторический источник.

Их литературной основой является житие Александра Свирского, написанное в 1545 г. игуменом Александро-Свирского монастыря Иродионом, одним из ближайших преемников Александра, умершего в 1533 г.[7] Житие было включено в неизмененном виде в состав макарьевских Четьих-Миней и в этой же первоначальной редакции вошло в ряд рукописных сборников XVI в.[8] Созданное в период широкого развития агиографической литературы, оно отличается торжественной риторикой, свойственной большинству житий этой эпохи. В нем весьма заметно влияние трудов Пахомия Серба. Это касается как отдельных стилистических особенностей, так и целых эпизодов, заимствованных Иродионом из сочинений Пахомия и лишь слегка переработанных.[9] Использование приемов такого признанного мастера агиографии, как Пахомий, было характерным для житийной литературы макарьевского времени.

Вместе с тем житие содержит множество любопытных реальных подробностей. Автор его, Иродион, был учеником Александра Свирского, его «постриженником», и не мог не отразить в той или иной степени

б) В отличие от заказчика об авторах иконы — художниках документы умалчивают. На основании участия в создании иконы двух авторов (Партениос Андреин Духовский и Басильев сын Иоанн Холст) можно предположить, что одному из них (вероятно, тому кто назван первым) принадлежит исполнение средника, а другому — исполнение клейм Привлекает внимание греческая форма имени одного из художников — «Партениос». Если в более ранние периоды грецизированные подписи русских мастеров были нередки (еще в начале XVI в. известна греческая подпись писца знаменитого евангелия 1507 г. с миниатюрами Феодосия), то для конца века это выглядит уже архаизмом В конце XVI в. в Александро-Свирском монастыре известны какие-то «мастеры-гречаня». О них рассказывает надпись на футляре серебряного креста-реликвария 1576 г. с эмалевыми накладками. Надпись сообщает, что некие «гречане» — эмальеры, сосланные из Москвы в Александро-Свирский монастырь за отказ учить русских людей «муснею писать», украсили эмалями этот крест (см. Е. Кутилова. К истории русской эмали. — Сообщения Государственного Русского музея, в. II. Л., 1947, стр. 48). Не связана ли греческая форма имени — «Партениос» — с этими мастерами?

[5] Опись 1623 г. (см.: Я. И. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. СПб, 1882, стр. 42).

[6] ААЭ, т. III. СПб., 1836, № 323.

[7] Я. И. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь, стр. 42.

[8] Автор настоящей заметки пользовался текстами сборников: ГПБ, Соф. 1424, лл 269 об. — 338 об., и Соф. 1357, лл. 900—976. О других списках жития см.: Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 23—25. В позднейших списках добавлены некоторые эпизоды (см.: Описание рукописей князя Павла Вяземского. Изд. ОЛДП, СПб., 1902, стр. 96).

[9] И. Яхонтов. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882, стр 37—87.